

Б. П. Миловидов

Пленные врачи наполеоновской армии на работе в русских военных госпиталях: настоятельная необходимость vs централизованное регулирование

В ходе войны 1812 г. в России оказалось множество пленных. Стремясь несколько сократить расходы и отчасти компенсировать дополнительную нагрузку на казну, на которую неожиданно легло бремя содержания личного состава целой армии, российские власти пытались использовать пленных в экономике страны. Они рассматривались как дополнительный трудовой ресурс, который привлекали на строительные и общественные работы, им разрешали наниматься к обывателям, давая возможность улучшить свое материальное положение, а казне — избежать дополнительных трат, например на одежду. Но в первую очередь речь шла о попытках на добровольной основе использовать профессиональный опыт и знания пленных для развития российской экономики, что прямо декларировалось решением Комитета финансов, утвержденным императором 29 декабря 1812 г.¹ Это было продолжением политики по привлечению квалифицированных иностранных специалистов, проводившейся российским правительством в мирное время. Среди пленных искали опытных мастеровых — суконщиков, металлургов и т. д., им предлагалось работать в хозяйствах немецких колонистов. Некоторые из этих попыток были удачными, некоторые — нет². Но одной из самых успешных стало привлечение медиков Великой армии (лекарей, хирургов, аптекарей разных рангов) для работы в военных госпиталях и в гражданской сфере.

В 1805 г. при преобразовании военно-медицинского ведомства были изданы новые штаты для военных врачей³. В общей сложности в полках и госпиталях насчитывалось 1461 медик, не считая чиновников, отвечавших за делопроизводство. Из них было 742 фельдшера и 668 собственно врачей и хирургов, на которых падала основная работа. Старшие лекари получали жалованье в зависимости от класса 750 или 600 руб. в год, младшие 500 или 400 руб.⁴ Нормы этого штата 1805 г. действовали и в 1812–1815 гг.⁵ По неполным данным, на начало 1816 г. в войсках состоял 951 чел. докторов и лекарей всех рангов, а с фельдшерами и 119 аптекарскими чинами — 2938 чел. Эти цифры, очевидно, более или менее отражают наличный состав медицинского персонала на момент завершения Наполеоновских войн⁶. Врачей, тем не менее, в армии постоянно не хватало.

В таких условиях выходом оказалось привлечение на временной или постоянной основе к лечению больных и раненых тех врачей Великой армии, которые оказались в плену. Об использовании пленных медиков в гражданском ведомстве и о попытках привлечь их на постоянную службу мы уже писали⁷. Здесь пойдет речь о привлечении пленных медиков Великой армии для работы в военных госпиталях.

Судя по всему, поначалу практика использования труда пленных врачей складывалась в значительной мере стихийно. Так, Г. Рооз, взятый при Студянке, был определен по приказу графа П. Х. Витгенштейна в российскую службу. В госпитале под Борисовом, а затем и в самом городе он исполнял должность старшего врача 1-го класса с жалованием 750 руб. в год⁸. Еще один пленный медик Д. Де Ла Флиз был привлечен к выполнению своих обязанностей также сразу после пленения. Русский офицер прямо на поле боя сказал ему: «Вы можете быть нам полезны, так как наш полковой лекарь убит»⁹.

Содержание пленных в одних госпиталях с русскими ранеными и больными было, очевидно, обычным делом. Таково было, в частности, положение в Минском, Белостокском, Слонимском госпиталях¹⁰. Это тоже создавало условия для использования труда пленных медиков. Врачи часто оказывались в плену одновременно со своими пациентами — при занятии населенного пункта, где располагались госпитали.

Но вставал вопрос о том, на каких условиях следует привлекать пленных медиков. В частности, уже 4 декабря 1812 г. курляндский гражданский губернатор Ф. Ф. Сиверс выражал недоумение, как платить оставшимся в Митавском госпитале прусским врачам. В результате Комиссариатский департамент ассигновал на покупку посуды и прочие расходы 10 тыс. руб.¹¹, эту сумму можно было тратить и на врачей.

7 января 1813 г. в Комиссариатский департамент подал рапорт главный смотритель госпиталей 1-й Западной армии Семенов, посетивший несколько госпиталей в Полоцке, в местечках Соколищах, Юревичах и Чашниках. Всюду наблюдался острый недостаток медицинских чинов. В числе мер, на кото-

рые Семенов вынужден был пойти, — приглашение врачей из военнопленных, а фельдшеров из вольнопрактикующих евреев, с платой первым по 1 руб. в день, по чарке горячего вина и по полуфунту говядины, а последним — по 10 руб. в месяц ассигнациями. Никакой градации в зависимости от квалификации, как видно из документа, не предполагалось, о подтверждении квалификации тоже речь не шла¹². Но это были экстренные меры, а проблема требовала системного решения.

В конце декабря вопрос об условиях привлечения пленных медиков к работе в госпиталях был решен централизованно, но на армейском уровне. 23 декабря 1812 г. главный медицинский инспектор по армии Я. В. Виллие направил отношение к дежурному генералу П. П. Коновницыну. Он предлагал употреблять пленных медиков в госпиталях прежде всего для лечения больных пленных, а в случае надобности и в российских госпиталях под надзором врачей военного ведомства, а также просил представить ему список пленных врачей для распределения по госпиталям. Кроме того, Виллие просил о предоставлении ему права экзаменовать пленных врачей, желающих вступить в русскую службу, и согласно их способностям определять в армию. Те же, кто не пожелает вступить в российскую службу, «обязаны будут исполнять оную» в качестве пленных, причем им предполагалось производить следующее жалование с 1 декабря: старшим докторам, старшим лекарям и старшим аптекарям — по 2 руб. 50 коп., «младшим чиновникам сих званий» и старшим их помощникам — по 1 руб. 75 коп., и наконец «младшим помощникам тех званий» — по 1 руб. Деньги должно было отпускать интендантское ведомство российской армии по списку, который предоставит Виллие. Однако же содержание это (кормовые деньги) следовало выплачивать лишь тем, кто будет действительно лечить больных (пленных или российских). Отказавшимся или больным полагалось сократить сумму в два раза. Таким образом, обязательность работы по специальности была условная. Приоритет отдавался материальному стимулированию. Особо следовало объявить в приказе по армии, а также гражданскому населению, чтобы «никто не осмеливался держать у себя пленных лекарей», их нужно было немедленно представить в полицию, а во избежание злоупотреблений запретить аптекам отпускать лекарства по рецептам пленных врачей без особого предписания врача, «привилегированного российским правительством». Исключение из последнего правила могло быть предоставлено лишь тем, кто получит разрешение производить практику в России¹³. При пересчете на год содержание пленных врачей, пожелавших поступить на работу в госпитали, оказывалось иногда даже несколько выше, чем у русских медиков (получавших, впрочем, еще рационные и порционные деньги): по разным категориям соответственно 912, 639 и 365 руб. в год. Вместе с тем условия назначения жалованья при поступлении в русскую службу в документе не прописывались, хотя по прежней практике иностранным врачам платили больше¹⁴.

На следующий день, 24 декабря Коновницын в отношении к Виллие сообщал, что главнокомандующий М. И. Кутузов утвердил предложения Виллие и что коменданту Главной квартиры предписано доставить Виллие список пленных врачей¹⁵.

Непосредственное заведование ими было возложено после отбытия Главной квартиры из Вильно на Ф. Ф. Гейрота — главного доктора Виленского и Витебского госпиталей. По всей видимости, это было вызвано тем, что наибольшее число медиков оказалось в Вильне¹⁶. В январе 1813 г. Виллие предписал Гейроту, чтобы он сам в соответствии с утвержденным положением определял размер кормовых денег желающим служить в госпиталях пленным¹⁷.

Распределение врачей по госпиталям происходило разными путями. Так, по представлению Белостокской врачебной управы Гейрот направил из Вильны в Белосток для лечения пленных 10 медиков. Они приступили к исполнению обязанностей 6 февраля 1813 г.¹⁸

В назначении пленных врачей в госпитали активно участвовали также Военное министерство и Министерство полиции. Управлявший последним С. К. Вязмитинов, в частности, предложил управляющему Военным министерством А. И. Горчакову использовать в военно-временных госпиталях 160 пленных врачей. Горчаков, сделав примерное распределение врачей по регионам, предложил Министерству полиции препроводить их к начальникам губерний, которые направят их по госпиталям, «где большая усмотрена будет ими надобность, наипаче судя по количеству пленных». Затем пленные медики должны были поступить под начальство главных врачей военных госпиталей, которым предписывалось доносить в Медицинский департамент Военного министерства об их «поведении, равно способностях и нуждах». Что же касается до «прокормления» врачей, то Горчаков предлагал руководствоваться правилами, утвержденными Кутузовым, т. е. положением Виллие¹⁹. Впрочем, как показала практика, это положение либо не было доведено до регионов, либо игнорировалось местными военными и гражданскими властями.

На апрель 1813 г. в русских госпиталях работали «больше 143 военно-пленных врачей и несколько военнопленных фармацевтов и их помощников и фельдшеров»²⁰.

Реализация норм положения Виллие, прежде всего определение жалованья врачам, работавшим в госпиталях, происходила крайне медленно.

13 января 1813 г. контора Дерптского военного госпиталя попросила Медицинский департамент назначить жалованье нескольким присланным в госпиталь иностранным медикам. В числе их в госпитале находился прибывший из Пскова с больными наполеоновскими солдатами военнопленный лекарь вестфалец Тизенгаузен, отличавшийся «прилежным и усердным старанием и знанием». Горчаков 26 января предписал производить Тизенгаузену, согласно имеющимся в делах примерам, выплату по 1 руб. 50 коп. в день вплоть до разрешения, «для которого снести с Виллие»²¹. Таким образом, управляющий

Военным министерством в этом случае не рискнул самостоятельно применить положение, утвержденное Кутузовым, и решил консультироваться с Виллие.

Резолюция с решением Горчакова о том, что применять положение Виллие следует и при определении содержания пленным медикам в Митаве, датирована 10 февраля²². Но сообщено об этом из Медицинского департамента в Комиссариатский было только 4 марта 1813 г. Двум главным лекарям (Вернеру и Менце) назначались кормовых денег 2 руб. 50 коп., еще 15 лекарям — 1 руб. 75 коп. в день. Одновременно подтверждалось, что находившемуся в Дерпте Тизенгаузену следовало платить по 1 руб. 50 коп.²³ Поскольку решение долго не принималось, в дело вмешался рижский военный губернатор маркиз Ф. О. Пауллуччи. 7 марта он сообщил Горчакову, что сам назначил оставшимся в Митавском госпитале прусским обер-хирургам годовой оклад по 600 руб., а хирургам по 500 руб. начиная с 9 декабря 1812 г. Размер жалованья он определил исходя из окладов, утвержденных Горчаковым для врачей Рижского госпиталя, т. е. фактически приравнял пленников к русским врачам²⁴.

В других регионах руководители тоже действовали по собственному усмотрению или не были уверены, какие нормы следует применять. Так, правитель Белостокской области С. А. Щербинин выдал в пособие доктору 3-го класса Шуберту, который добровольно остался служить в российском госпитале, 40 руб. ассигнациями. Донося об этом С. К. Вязмитинову 28 февраля, он спрашивал, производить ли ему жалование наравне с прочими взятыми в плен лекарями или на другом основании²⁵.

Присланному из Киева в Одесский военный госпиталь военнопленному доктору И. Б. де Наверну новороссийский генерал-губернатор дук Э. О. Ришелье предписал производить жалование как младшему лекарю 2-го класса, по 400 руб. в год на основании российского штата 1805 г. Комиссия Кременчугского комиссариатского депо усомнилась в этом назначении, о чем и донесла в Петербург еще 21 января 1813 г. Однако только в конце августа Комиссариатский департамент предписал выплачивать де Наверну по 1 руб. 75 копеек в день, т. е. в соответствии с положением Виллие²⁶.

4 марта 1813 г. Медицинский департамент Военного министерства сообщил Комиссариатскому установленные Горчаковым размеры жалования иностранным врачам в Белостокском и Минском госпиталях, они соответствовали штату 1805 г. Предполагалась выплата и прочего назначенного по этому штату довольствия. Однако из приложенного списка видно, что в Минском госпитале работали и двое военнопленных штаб-лекарей — Прейс и Дейбель. Им было тоже назначено жалование по 600 руб.²⁷, что противоречило положению Виллие. В предписании Медицинского департамента от 23 мая все 7 врачей, включенные в список по Белостокскому госпиталю, названы пленными (доктора Вановский, Шрейбер (Шрейдер), Кичерио (Кичеря), Моан, Шмит, Шуберт и Лозаки). Но еще 4 марта им было назначено решением Горчакова содержание по 750 руб. в год. Однако в мае белостокский комендант донес, что Вановский

вовсе не исправляет должности, Моан бежал, Лозак умер, а Шуберт — простой цирюльник из евреев. Кичеря же и Шмит членами городской врачебной управы неправильно были названы докторами, первый из них — лекарь, а второй — подлекарь. Медицинский департамент предписал прекратить производство жалования выбывшим врачам, а находящемуся в Супрасле Кичере платить по 1 руб. 75 коп. в день, а Шмидту по 1 руб. Производить эти выплаты следовало, сделав перерасчет с 4 марта, при этом другие выдачи подлежали приостановке. Из предписания Медицинского департамента от 23 мая также ясно, что из ранее назначенного жалования в 750 руб. они так ничего и не получили²⁸.

Труд пленных врачей использовался и в госпиталях, весьма отдаленных от театра боевых действий. Генерал-лейтенант А. А. Клейнмихель доносил в Военное министерство 22 февраля 1813 г., что по случаю откомандирования в армию четырех медицинских чиновников Ярославского госпиталя, он вынужден был пригласить туда на время находящихся в городе пленных — лекаря виртембергской службы Кнауца (ярославский губернатор называл его дивизионным лекарем) и саксонской службы обер-лекаря Миллера. Клейнмихель назначил им годовое жалование по 500 руб.²⁹ Получается, что о нормах, введенных по предложению Виллие, в Ярославле ничего не знали. Дело было доложено Горчакову, который согласился на оставление обоих пленников при госпитале, но предписал платить обоим по 1 руб. 75 коп. в день в соответствии с положением 24 декабря 1812 г., при этом всякое другое «производство продовольствий» потребовал прекратить. Об этом решении Горчакова Медицинский департамент сообщил Комиссариатскому только 11 апреля 1813 г.³⁰ О том, что лекарь Иван Дюбор был препровожден в Ярославский госпиталь, писал Горчакову 3 марта губернатор М. Н. Голицын. По его словам, доктор военных госпиталей «одобрил» пленника и «и по необходимости во врачах» просил употреблять его в военном госпитале с жалованьем хотя бы по 15 руб. в месяц³¹. Горчаков назначил 11 апреля производить Дюбору с момента вступления в должность по 1 руб. ассигнациями в день. Все полученные до этого момента, но после вступления в должность выплаты полагалось вычесть³². Однако 19 июля Комиссия Московского комиссариатского депо донесла, что Дюбора в госпитале уже нет и деньги в установленном Горчаковым размере ему никогда не выплачивались, да и сам пленник их не требовал³³. В условиях длительных согласований реализация принятого решения подчас утрачивала всякий смысл.

11 апреля 1813 г. Медицинский департамент также сообщил Комиссариатскому о решении Горчакова назначить на основании положения по 1 руб. 75 коп. в день состоящим при Белорусско-Могилевском госпитале пленным врачам Шредеру, Ватковскому и Пайлоту, «исправляющим лекарскую должность с тщательностью и рачительностью»³⁴.

10 мая 1813 г. от конторы Калужского военно-временного госпиталя был получен список находящихся там 6 пленных медиков. Контора объясняла, что по «великому» числу больных и раненых и недостатку медиков, находивших-

ся в Калуге, главный доктор К. (И. И.) Вицман пригласил на работы пленных врачей, «которые с ноября месяца и по сие время отправляют с усердием должность по званию своему в рассуждении пользования российских и французских военно служащих больных и раненых». Получали же они по 50 коп. в сутки (т.е. как обычные пленные обер-офицеры), в связи с чем контора просила назначить им с ноября месяца прибавочное жалованье³⁵.

Затягивание в принятии решений было, возможно, связано с возникавшими у комиссариатских чиновников сомнениями, следует ли вообще далее употреблять военнопленных врачей. Ведь армия ушла в Заграничный поход, а больные в госпиталях выздоравливали, и постепенно острота гуманитарного кризиса спадала. Такие сомнения выражал Комиссариатский департамент 20 и 29 марта³⁶.

Можно предполагать, что конец колебаниям положило изданное 1 апреля циркулярное предписание С. К. Вязмитинова, согласно которому губернаторы должны были предложить военнопленным медицинским чинам вступить в российскую службу, с тем, что они «будут определены в войски и гошпитали с производением по трудам их жалования»³⁷. Предписание основывалась на высочайшей воле, которая была изложена в отношении А. А. Аракчеева от 17 марта. А 8 апреля Вязмитинов сообщил о ней Горчакову³⁸.

Между тем еще 1 апреля в соответствии с текстом предписания Виллие контора Киевского военного госпиталя прислала список работавших там 11 пленных медиков: 9 саксонцев, 1 австриец и 1 вюртембержец. Это единственный подробный список, которым мы располагаем, где указаны конкретные обязанности, возложенные на пленных. Он также подтверждает, что медики наполеоновской армии использовались для лечения как российских больных, так и пленных³⁹.

С. А. Щербинин 20 февраля обратился к Вязмитинову с вопросом, за счет каких сумм следует содержать 10 пленных медиков, присланных из Вильно. Отправляя их, Гейрот сообщил, что платить им следует по положению Виллие, т.е. двум штаб-докторам (Спонгвиллю и Мерсье) и одному аптекарю Жью (Жио) по 2 руб. 50 коп. в сутки, четверем лекарям (Саворнье, Луссо, Пельтману и Тарассо) — по 1 руб. 75 коп. в сутки, хирургам (Деклеру и Ляпиеру) и аптекарскому помощнику (Геркельсбургу) — по 1 руб. Щербинин заплатил им по такому расчету за период с 6 по 20 февраля из отпущенных в ведение белостокских властей Е. Ф. Канкриным сумм, но следует ли продолжать такую практику или производить расходы на пленных медиков из других источников, не знал⁴⁰. Согласно рапорту главного медика Белостокского военного временного госпиталя от 1 апреля 1813 г., Мерсье, Спонгвилль и аптекарь Жио и некоторые другие медики получали, кроме указанных сумм (на том же основании, как и в Вильне), в сутки по 2 фунта говядины, по 2 фунта белого хлеба, по 1 фунту круп и по 7 золотников соли⁴¹. Положением Виллие это не предусматривалось.

В Петербурге тем временем было получено донесение, что Мерсье, Спонгвилль, батальонные лекаря Тарассо, Саварнье и подлекари Лапьер, Деклер, а также аптекарь Жио 3 июня бежали⁴². Жио, Мерсье и Спонгвилль в лесу построили шалаш и пробыли в нем около двух недель, пока у них не кончились припасы. В конце концов они решили идти в Варшаву, где у Спонгвилля был родственник. Однако, случайно наткнувшись на русского унтер-офицера, беглецы были схвачены и отправлены в Белосток. Литовский военный губернатор А. М. Римский-Корсаков приказал отправить их «под крепким караулом» в Оренбург. В конце концов они были возвращены на родину в 1814 г.⁴³

Только через пять месяцев после издания положения Виллие Военное министерство озаботилось тем, чтобы придать его действию универсальный характер, что, возможно, было тоже связано с высочайшим повелением и основанным на нем циркулярным предписанием Вязмитинова от 1 апреля.

Изложив свою переписку с Комиссариатским департаментом, 14 мая Медицинский департамент представил Горчакову доклад, где подчеркнул «крайнюю надобность» в использовании пленных врачей, и необходимость назначения им содержания⁴⁴.

Горчаков в предписании Комиссариатскому департаменту от 16 мая 1813 г. признал необходимость использования пленных медиков и считал нужным назначить им «пристойное содержание» соразмерно званиям. По мнению Горчакова, Комиссариатское ведомство должно руководствоваться впредь положением Виллие, с тем чтобы никакое другое «продовольствие» пленным врачам, исключая квартиры, не производилось. При этом Горчаков препровождал подготовленный в Медицинском департаменте список врачей, которые действительно трудились в госпиталях. В случае обнаружения новых работающих пленных медиков утверждать размер назначаемых им кормовых денег управляющий Военным министерством также предполагал сам. Сбор сведений о них возлагался на комиссариатские комиссии⁴⁵.

В итоге был составлен небольшой список с указанием назначений, уже прежде сделанных управляющим Военным министерством. В него вошли пленные, работавшие в Ярославском (3), в Дерптском (1), в Минском (2) и в Митавском (15) госпиталях. Всего 21 чел.⁴⁶ Сохранился и список пленных врачей, жалованье которым предлагал назначить Медицинский департамент⁴⁷. В нем значились 128 врачей и аптекарей: по Калужскому (8), Мозырскому (1), Одесскому (1), Рижскому (3), Полоцкому (17), Копысскому (2, без указания фамилий) и Виленскому (96) госпиталям⁴⁸.

Но только 19 августа управляющий Военным министерством утвердил этот список⁴⁹, и 24 августа Комиссариатский департамент стал рассылать предписания местным комиссиям о производстве назначенных пленным врачам в соответствии со списком денег. Все иное «продовольствие», кроме квартирного, следовало прекратить⁵⁰.

В числе работавших в госпиталях были польские и прусские медики. В Калуге трудились пруссак Иван Маренгольц и поляки Иван Витковский и Иван Пшедвелинский (в некоторых вариантах списка Иван Бжединский), все трое пленных врачей в Рижском госпитале были пруссаки⁵¹, так же как оставшиеся в Митавском госпитале⁵². Между тем все пленные поляки подлежали отправлению в Сибирь или на Кавказ. Прусские же пленные с января 1813 г., после Таурогенской конвенции, подлежали освобождению и отправке на родину⁵³. Но почему-то применительно к врачам эти правила не действовали, официально никаких исключений из них не делали, но фактически игнорировали — ценность медиков как профессионалов явно брала верх над политическими решениями.

Из донесений с мест видно, что ситуация менялась быстрее, чем Военное министерство успевало реагировать на нее. Информация о врачах, содержащаяся в списке, направленном при предписании от 24 августа, уже была во многих случаях неактуальной. Таким образом, практика приема врачей и контроля над ними через аппарат Военного министерства, оправданная в мирное время, в условиях чрезвычайной ситуации оказывалась недостаточно эффективной.

Еще 30 июня Комиссия Московского комиссариатского депо донесла, что в Калужском госпитале в связи с уменьшением числа больных работают только врачи Витковский и Маренгольц, остальные же прекратили работу в госпитале 11 мая. При этом все они получали только по 50 коп. кормовых денег⁵⁴.

В своем донесении от 16 июля главный лекарь Калужского военного госпиталя несколько уточнил ситуацию. В госпитале были 5 пленных врачей, а не 8, как по утвержденному списку (российских не было вовсе). Пленные медики не только не имели возможности оплатить инструменты, но и за неполучением жалованья «едва имеют дневное пропитание»⁵⁵.

11 июля Медицинский департамент сообщал Комиссариатскому департаменту, что «по крайней надобности» он откомандировал из Полоцка в Ригу военнопленных врачей Саммиллера (Иван Сан-Миллер), Гаутмана (Гауптман), Швейцера, Миллера и Фальтера (Вальтера)⁵⁶. У Комиссариатского департамента представление о крайней надобности было свое. Предписание о выдаче врачам прогонных денег от Полоцка до Риги последовало только 24 августа, одновременно с рассылкой списка с указанием назначенного пленным врачам содержания. По этому списку Сан-Миллеру назначалось по 1 руб. 75 коп. в день, остальным четверым — по 1 руб.⁵⁷ Между тем, не дожидаясь решений Петербурга, 10 августа 1813 г. Паулуччи предписал конторе Рижского госпиталя военнопленным докторам Саммиллеру и Гаутману производить выплату по 600 руб. в год, лекарю Радту (Родту, возможно Ридту) — 500 руб., а лекарям Филлеру и Миллеру — по 400 руб. в год. Они вступили в должность с 1 сентября 1813 г.⁵⁸ Потребовалось предписание Комиссариатского департамента от 10 декабря 1813 г., возвращавшее выплаты этим врачам к нормам положения Виллие⁵⁹.

При составлении списков в Военном министерстве не было полной картины того, что происходило в Минской губернии. Минский военный губернатор Г. А. Игнатьев донес Горчакову от 10 июня, что по недостатку медиков он вынужден был привлечь к работе в Минском, Бобруйском, Парицком, Глусском и Мозырском госпиталях наряду с вольнопрактикующими врачами военнопленных медиков разных наций. Все они должны были оказывать помощь больным под началом российских медицинских чиновников и наравне с ними. Начальство госпиталей заверило Игнатьева, что пленники исправляют свои должности «с довольным усердием и, не имея достаточного от казны содержания, крайне нуждаются, как в пропитании, так и в одеянии себя». Таким образом, наполеоновские врачи, работавшие в Минской губернии, еще в июне продолжали получать только содержание от Министерства полиции, т. е. как обычные пленные. В связи с чем Игнатьев предлагал назначить дополнительно докторам и штаб-лекарям по 30, а лекарям по 20 руб. в месяц⁶⁰.

Даже в последние месяцы войны аппарат Военного министерства продолжал назначать содержание пленным врачам, которые давно работали в российских госпиталях в разных регионах страны, не получая специального вознаграждения за свой труд, хотя юридически имели на него право.

В январе 1814 г. С. К. Вязмитинов уведомил Горчакова, что находящийся в Воронеже военнопленный доктор Пизьо во время плена хочет быть «употреблен» в военных госпиталях. Горчаков определил Пизьо в Киевский госпиталь, назначив ему кормовые деньги по 2 руб. 50 коп. в сутки⁶¹.

По списку военнопленных офицеров и чиновников, находящихся в офицерских чинах, составленному по состоянию на середину февраля 1813 г., значится 373 пленных медика (нами учтены только лица, обладавшие специальными медицинскими знаниями, т. е. доктора, хирурги и аптекари разных рангов, а также их помощники)⁶². В списке, который рассылался в августе 1813 г. с указанием вновь назначенного пленным врачам суточного содержания, значилось 128 чел. До этого уже состоялись назначения для 21 медика⁶³. Но не были учтены данные о 10 пленных медиках в Киевском госпитале, о прибывших в 1813 г. 7 пленных докторов в Ригу, одном отправленном в Митаву, 17 пленных медиках, работавших на начало 1814 г. в госпиталях Минской губернии, двух врачах в Вилькомирском госпитале, одном в Новгородском, 7 человек были в Гродненском, 6 в Шкловском, 2 в Картуз-Березском, один в Тельшевском, и еще один в Белостокском, всего 204 чел.⁶⁴ Это составляет 55 % от численности медиков офицерского ранга, попавших в плен в 1812 — начале 1813 г. Такой расчет нельзя считать абсолютно корректным, с одной стороны, поскольку некоторые врачи прибывали в Россию и позднее, а с другой, потому что данные сохранились не по всем госпиталям, но оценить масштабы использования труда пленных медиков он позволяет. Хотя 204 человека составляют незначительный процент от почти 3 тыс. медиков русской армии на конец эпохи Наполеоновских войн, но от 1070 докторов и аптекар-

ских чинов, учтенные нами работающие в госпиталях пленные медики, также считавшиеся офицерскими чинами, составляют 19 %. Это было значительной цифрой, особенно ввиду того, что большинство русских военных врачей находились с армией в Заграничном походе.

Однако процесс привлечения пленных к работам в госпиталях во многом происходил стихийно и хаотично. В России находилось множество врачей Великой армии, потребность в медицинском персонале была чрезвычайно острой, удалось быстро сформировать и правовую базу, которая регулировала использование труда военнопленных медиков в госпиталях и предусматривала стимулирование их материальной заинтересованности в работе. Однако отсутствие координации между военными и гражданскими властями, местными и центральными управленческими структурами, различными департаментами Военного министерства создавало проблемы. Решение, принятое на армейском уровне, не было оперативно доведено до регионов, в которых находились госпитали и пленные. Кроме того, чрезмерная централизация, когда для назначения кормовых денег конкретному врачу требовалось участие центрального аппарата Военного министерства и даже его руководителя, соответствовавшая порядку мирного времени, оказалась неэффективной в чрезвычайных военных обстоятельствах. Комиссариатский и Медицинский департаменты, взявшие на себя реализацию принятых мер, запаздывали, оценить ситуацию в регионах и довести до них утвержденные нормы удавалось с большим трудом и не всегда. Составление списка пленных врачей, работавших в госпиталях — как оказалось, неполного — и назначение выплат растянулись на восемь месяцев. Если деньги на содержание обычных пленных, находившихся в губерниях и подведомственных Министерству полиции, выделялись из казенных палат и уездных казначейств по требованиям местных гражданских властей⁶⁵, то местным комиссариатским комиссиям таких полномочий предоставлено не было, и предписания о расходовании средств должны были исходить из центра, что замедляло ход дел. Возможно, негативную роль сыграло и указание в положении Виллие на список употребляемых в госпиталях врачей, который Виллие передавал интендантскому ведомству армии, и можно было предположить, что нормы этого положения к другим врачам не относятся. Документ этот создавался в чрезвычайных условиях, применительно к конкретной ситуации в Вильне, но потом централизованно скорректирован не был. Условия оплаты труда медиков Великой армии в реальности оказывались хуже, чем предусматривалось положением Виллие, что не способствовало повышению мотивации к работе. Это противоречие отчасти преодолевалось за счет действий местных властей, руководствовавшихся по своему выбору другими законодательными нормами, казавшимися более или менее подходящими к ситуации. Таким образом, успехи достигались скорее вопреки усилиям центральных властей, чем благодаря им.

- ¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 563. Оп. 2. Д. 1. Л. 35 — 35 об.
- ² Миловидов Б. П. 1) Использование военнопленных 1812 г. на работах: тенденции правительственной политики // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2011. С. 163–190; 2) Военнопленные наполеоновской армии на строительстве российских дорог: история нереализованного проекта // Вестник военно-исторических исследований: Всероссийский сборник научных статей / Под ред. С. В. Белоусова, А. В. Комплеева. Пенза, 2015. Вып. 6. С. 58–73; 3) Фарфорова история «полковника» де Пюибюска: К вопросу об использовании военнопленных Великой армии в экономике России // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2017. С. 291–302; 4) Военнопленные Великой армии в колониях на юге России: неудачный опыт // Отечественная война 1812 года и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов. Бородино, 2020. С. 586–600; 5) Военнопленные наполеоновской армии в саратовских колониях в 1813–1820 гг.: новые материалы // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2019. С. 14–71.
- ³ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собр. 1-е. Т. XXVIII. № 21866.
- ⁴ Столетие Военного министерства. Т. VIII. Ч. 1: *Кручек-Голубев В. С., Кульбин Н. И.* Главное Военно-медицинское управление. Исторический очерк. СПб., 1902. С. 77–80.
- ⁵ Там же. С. 91–94.
- ⁶ Там же. С. 85–88.
- ⁷ Миловидов Б. П. Военнопленные медики Великой армии // Отечественная война 1812 г. и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Магдебург, 2006. С. 177–189.
- ⁸ РГИА. Ф. 758. Оп. 15. Д. 101. Л. 32 об. — 33.
- ⁹ *Де Ла Флиз Д.* Поход Наполеона в Россию в 1812 г. М., 1912. С. 78.
- ¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 103. Оп. 4/210. Св. 8. Д. 3. Л. 204, 238; Ф. 396. Оп. 6. Д. 54. Л. 1.
- ¹¹ РГВИА. Ф. 396. Оп. 6. Д. 337. Л. 1, 9.
- ¹² Там же. Л. 30, 31 об.
- ¹³ Французские военнопленные медики на работе в русских военных госпиталях (1813–1814). Из фондов РГВИА // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 6. М., 2005. С. 144–145; РГВИА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 427. Л. 2–3.
- ¹⁴ ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. XXX. № 22974.
- ¹⁵ Бумаги, относящиеся до войны 1812 г., собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. 8. М., 1904. С. 331; РГВИА. Ф. 103. Оп. 4/210. Св. 8. Д. 3. Л. 175.
- ¹⁶ Французские военнопленные медики... С. 145.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 879. Оп. 2. Д. 2016. Л. 96.
- ¹⁸ Французские военнопленные медики... С. 145.
- ¹⁹ Там же. С. 148–149.
- ²⁰ Столетие Военного министерства. Т. VIII. Ч. 1. С. 117.
- ²¹ РГВИА. Ф. 879. Оп. 2. Д. 2016. Л. 1.
- ²² Там же. Л. 2.
- ²³ РГВИА. Ф. 396. Оп. 6. Д. 337. Л. 10–11.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 879. Оп. 2. Д. 2016. Л. 13.
- ²⁵ Там же. Л. 32; Французские военнопленные медики... С. 147.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 396. Оп. 6. Д. 337. Л. 15–16, 84.
- ²⁷ Там же. Л. 17–19.
- ²⁸ Там же. Л. 20–21.
- ²⁹ Там же. Л. 37; Ф. 879. Оп. 2. Д. 2016. Л. 11, 12.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 396. Оп. 6. Д. 337. Л. 39.
- ³¹ РГВИА. Ф. 879. Оп. 2. Д. 2016. Л. 12.

- ³² РГВИА. Ф. 396. Оп. 6. Д. 337. Л. 46.
- ³³ Там же. Л. 48.
- ³⁴ Там же. Л. 44.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 879. Оп. 2. Д. 2016. Л. 43–44.
- ³⁶ Там же. Л. 18, 19.
- ³⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 г. Д. 176. Л. 52.
- ³⁸ РГВИА. Ф. 879. Оп. 2. Д. 2016. Л. 34.
- ³⁹ Там же. Л. 41.
- ⁴⁰ Там же. Л. 29–31; Французские военнопленные медики... С. 145.
- ⁴¹ Французские военнопленные медики... С. 154.
- ⁴² РГВИА. Ф. 396. Оп. 6. Д. 337. Л. 103.
- ⁴³ *Карташов В. С.* Приключения фармацевтов Наполеона в России // Фармацевтический вестник. 2001. № 19; *Карташов В. С., Карташов А. В.* Побег военнопленных врачей наполеоновской армии // Актуальные проблемы современной науки. 2017. № 5 (96). С. 122–123.
- ⁴⁴ РГВИА. Ф. 879. Оп. 2. Д. 2016. Л. 48–49.
- ⁴⁵ РГВИА. Ф. 396. Оп. 6. Д. 337. Л. 56 – 57 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 73.
- ⁴⁷ РГВИА. Ф. 879. Оп. 2. Д. 2016. Л. 59 – 62 об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 59 об., 62 об.
- ⁴⁹ РГВИА. Ф. 396. Оп. 6. Д. 337. Л. 75.
- ⁵⁰ Там же. Л. 79.
- ⁵¹ Там же. Л. 76.
- ⁵² РГВИА. Ф. 879. Оп. 2. Д. 2016. Л. 13.
- ⁵³ *Бессонов В. А.* Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Вып. IV / Труды Государственного исторического музея. Вып. 147. М., 2005. С. 57, 61, 67.
- ⁵⁴ РГВИА. Ф. 879. Оп. 2. Д. 2016. Л. 109.
- ⁵⁵ Там же. Л. 86.
- ⁵⁶ РГВИА. Ф. 396. Оп. 6. Д. 337. Л. 114.
- ⁵⁷ Там же. Л. 115.
- ⁵⁸ Там же. Л. 133.
- ⁵⁹ Там же. Л. 135.
- ⁶⁰ РГВИА. Ф. 879. Оп. 2. Д. 2016. Л. 81.
- ⁶¹ РГВИА. Ф. 396. Оп. 6. Д. 337. Л. 142.
- ⁶² РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 657. Л. 1–74. Подсчеты наши.
- ⁶³ РГВИА. Ф. 396. Оп. 6. Д. 337. Л. 73, 76 – 78 об.
- ⁶⁴ РГВИА. Ф. 879. Оп. 2. Д. 2016. Л. 36, 46 об., 93, 98, 114, 118, 131, 133, 138, 140, 153, 154.
- ⁶⁵ *Бессонов В. А.* Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812–1814 гг. С. 53.

References

Bessonov, V. A. Zakonodatel'naya baza i politika gosudarstva po otnosheniyu k voennoplennym v Rossii v 1812–1814 gg. [Legislative Framework and State Policy Towards Prisoners of War in Russia in 1812–1814. In Russ.]. *Epokha 1812 goda: Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya*. Iss. 4. Moscow, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei, 2005. P. 49–80.

Kartashov, V. S., Kartashov, A. V. Pobeg voennoplennykh vrachei napoleonovskoi armii [Escape of Prisoners of War Doctors of the Napoleonic Army. In Russ.]. In *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki*. 2017. No. 5 (96), pp. 122–123.

Milovidov, B. P. Farforovaya istoriya "polkovnika" de Pyuibyuska: K voprosu ob ispol'zovanii voennoplennykh Velikoi armii v ekonomike Rossii [The Porcelain Story of the "Colonel" from Puybusque: On the Issue of the Use of Prisoners of War of the Grand Army in the Russian Economy. In Russ.]. In *Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy: materialy XX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, 5–7 sentyabrya 2016 g. Borodino; Moscow, 2017. P. 291–302.

Milovidov, B. P. Ispol'zovanie voennoplennykh 1812 g. na rabotakh: tendentsii pravitel'svennoi politiki [The Use of Prisoners of War in 1812 at Work: Government Policy Trends. In Russ.]. In *Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy: materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, 6–7 sentyabrya 2010 g. Mozhaisk, Gosudarstvennyi Borodinskii voenno-istoricheskii muzei-zapovednik, 2011. P. 163–190.

Milovidov, B. P. Voennoplennye mediki Velikoi armii [Medical Prisoners of War of the Grand Army. In Russ.]. In *Otechestvennaya voina 1812 g. i rossiyskaya provintsiya v sobytiiakh, chelovecheskikh sud'bakh i muzeinykh kollektsiyakh: sbornik materialov XIV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, 14–15 oktyabrya 2006 goda*. Maloyaroslavets, 2006. P. 177–189.

Milovidov, B. P. Voennoplennye napoleonovskoi armii na stroitel'stve rossiiskikh dorog: istoriya nerealizovannogo proekta [Prisoners of War of the Napoleonic Army on the Construction of Russian Roads: the Story of an Unrealized Project. In Russ.]. In Belousov, S. V., Kompleev, A. V. (eds.). *Vestnik voenno-istoricheskikh issledovaniy: Vserossiiskii sbornik nauchnykh statei*. Penza, Izdatel'stvo PGU, 2015. Iss. 6, pp. 58–73.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Б. П. Миловидов. Пленные врачи наполеоновской армии на работе в русских военных госпиталях: настоятельная необходимость vs централизованное регулирование // Петербургский исторический журнал. 2025. № 2. С. 55–69

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об использовании военнопленных медиков армии Наполеона в 1812–1814 гг. на работе в российских военных госпиталях. Стремясь сократить расходы и отчасти компенсировать дополнительную нагрузку на казну, на которую неожиданно легло бремя содержания личного состава целой армии, российское правительство пыталось использовать пленных в экономике страны. Это было продолжением политики по привлечению квалифицированных иностранных специалистов, проводившейся российским правительством в мирное время. К работе в военных госпиталях удалось привлечь минимум 55% попавших в плен медиков офицерского ранга. Это составляло около 19% от русских военных врачей в офицерских чинах. Потребность в медицинском персонале была чрезвычайно острой. Медики привлекались добровольно, на основе материальной заинтересованности. Главным нормативным документом стало положение, подготовленное Я. В. Виллие и утвержденное М. И. Кутузовым 24 декабря 1812 г. Однако в реальности процесс привлечения пленных медиков к работам в госпиталях во многом происходил хаотично. Успехи были достигнуты, скорее, вопреки усилиям центральных властей, а не благодаря им. Излишняя централизация и отсутствие координации между военными и гражданскими властями, местными и центральными управленческими структурами, различными департаментами Военного министерства создавало проблемы. Назначение жалования пленным врачам производилось индивидуально на уровне центрального аппарата Военного министерства и растянулось на много месяцев. Однако отчасти это компенсировалось усилиями местных властей, которые руководствовались по своему выбору другими законодательными нормами, казавшимися более или менее подходящими к ситуации.

Ключевые слова: военнопленные, Отечественная война 1812 г., медицина в 1812 г., военные госпитали, жалование врачей, Я. В. Виллие, А. И. Горчаков, Медицинский департамент, труд военнопленных.

FOR CITATION

B. P. Milovidov. Captured Doctors of the Napoleonic Army at Work in Russian Military Hospitals: Urgent Need vs Centralized Regulation // Petersburg Historical Journal, no. 2, 2025, pp. 55–69

Abstract: The article under scrutiny herein sets forth a discussion on the utilisation of prisoners of war belonging to Napoleon's army medical personnel during the years 1812–1814, who were employed within the Russian military hospital infrastructure. In an effort to reduce costs and partially offset the additional burden on the treasury, which had the unexpected task of maintaining an entire army, the Russian government sought to utilise prisoners within the country's economy. This initiative represented a continuation of a broader policy initiated during peacetime, aimed at attracting qualified foreign specialists to Russia. Approximately half of the medical personnel captured in officer rank were able to contribute to the functioning of military hospitals. This represented approximately 19 % of the Russian military's medical personnel in officer grades. The necessity for medical personnel was exceedingly pressing. Doctors participated voluntarily, motivated by financial incentives. The primary regulatory document was the regulation prepared by J.V. Willie and approved by M. I. Kutuzov on December 24, 1812. However, in reality, the process of attracting captured doctors to work in hospitals was largely chaotic. The central authorities' efforts were not the primary factor in the success of this process; rather, it was the result of other factors. The excessive centralisation and lack of coordination between military and civilian authorities, local and central management structures, and various departments of the Ministry of War created problems. The remuneration of the captured doctors was determined on an individual basis by the central office of the Ministry of War and persisted for a considerable duration. However, this was partially offset by the actions of local authorities, who were guided by other legislative norms of their choosing, which seemed more or less appropriate to the situation.

Key words: prisoners of war, the Patriotic War of 1812, medicine in 1812, military hospitals, doctors' salaries, Ya. V. Willie, A. I. Gorchakov, Medical Department, labor of prisoners of war.

Автор: **Миловидов, Борис Павлович** — младший научный сотрудник Отдела новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН; главный специалист Отдела научных публикаций Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Milovidov, Boris Pavlovich** — Junior Researcher at the Department of Modern History of Russia of the St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences; Chief Specialist at the Department of Scientific Publications of the Russian State Historical Archive (St. Petersburg, Russia).

E-mail: milbp@yandex.ru